

Воспоминания о прошлом уже стерлись, но Эр Ха и Хэйбэй все еще помнили, как раньше ели большие куски мяса, где кости были мягкими и вкусными, а куриная грудка хрустела. Они могли съесть целую миску за раз.

Посмотрев на Лю Яоцина, а затем на большую жгучую траву, Эр Ха махнул хвостом и с аппетитом проглотил ее.

Неясно, убедил ли их Лю Яоцин, или щенки сами были готовы съесть траву, но на этот раз все прошло гладко, и они выплюнули семена.

Одни семена были золотисто-желтыми, словно кусочки золота, другие — черными с тонкими белыми полосками, каждое из которых источало первозданный аромат.

Счастливый, Лю Яоцин вернулся с семенами и позвал Чжэцзы в дом, указывая на глиняный кувшин:

— Чжэцзы-гэ, у нас снова есть что-то хорошее. Сначала посадим это в теплице, а когда потеплеет, высадим на улице.

— Что скажет Цин-гэр, то и будет, — глаза Чжэцзы светились, полные восхищения улыбкой Лю Яоцина.

— Это похоже на картофель, и, вероятно, нам придется отдать его, — нахмурился Лю Яоцин. — Солдаты — люди императорского двора, нам не удастся скрыть это. Чжэцзы-гэ, я боюсь, что если у нас будет слишком много хорошего, кто-то захочет это отнять.

И еще эти два щенка. Хотя они выглядели странно, их можно было считать родственниками волков. Но если бы кто-то узнал, что они могут выплевывать семена, возможно, им больше не позволили бы быть с Лю Яоцином.

Грубая рука Чжэцзы полностью закрыла маленькое лицо Лю Яоцина, разглаживая его морщины.

— Цин-гэр, не волнуйся. Я здесь. Если солдаты будут непослушными, я их побью.

— Нельзя просто так бить людей, — Лю Яоцин убрал руку Чжэцзы и улыбнулся, успокаивая себя и его. — Возможно, эти чиновники не такие уж плохие. Ведь мы не собираемся скрывать семена. Это то, что может сделать жизнь людей лучше, а страну — процветающей.

— Цин-гэр прав, — в глазах Чжэцзы мелькнуло что-то глубокое, но когда Лю Яоцин поднял взгляд, он увидел лишь его глупую улыбку. — Плохих людей не так много, хороших больше.

Как в деревне Шангу. Есть несколько непутевых, но их мало. Они постоянно заглядываются на хорошие вещи в доме Лю Яоцина и на щенков, но остальные в деревне следят за ними, и ни одно зло не осталось безнаказанным.

Эта страна состоит из множества деревень, подобных Шангу. Даже если плохих людей много, хороших все равно больше.

Если хорошие люди могут сдерживать плохих, этого достаточно. Вода, которая слишком чиста, не имеет рыбы. Мир, состоящий только из хороших людей, вероятно, не существует.

Семена спрятали у Чжэцзы. Кроме него и Лю Яоцина, никто не знал об их существовании.

— Цин-гэр, твоего отца пронзила ветка дерева, он до сих пор в поле, — Лю Саньтяо, который сегодня тоже перепахивал землю, оказался рядом с участком старика Лю. Будучи другом Чжэцзы, он пришел сообщить об этом.

— Я пойду посмотрю. Чжэцзы-гэ, попроси врача подождать у нас дома, — сказал Лю Яоцин.

У ворот они разошлись. Лю Саньтяо побежал с Лю Яоцином к полю. Вдалеке они увидели группу людей, окруживших Лю Цюаньцзиня. Увидев Лю Яоцина, они расступились, пропуская его.

Лю Цюаньцзинь сидел на земле, его ногу пронзила окровавленная ветка, конец которой торчал с другой стороны.

— Чжун-гэ, Саньтяо, помогите отнести отца домой. Здесь ничего не сделаешь. Чжэн-гэ, Мин-гэ, вы быстрее, бегите домой, скажите маме приготовить горячую воду, — Лю Яоцин быстро отдал распоряжения. — Пожалуйста, расступитесь, дайте отцу добраться домой.

По дороге Лю Яоцин наконец спросил:

— А где дедушка?

— Он пошел домой за деньгами на врача, уже почти час прошел, — с недовольством ответил Саньтяо.

Если бы старик Лю не задержался дома, Саньтяо не пошел бы за Лю Яоцином. Старик Лю, увидев, что нога Лю Цюаньцзиня пронзена, кричал, что нужно вызвать врача, но, уйдя домой, исчез.

Оказывается, уже так долго тянули. Лицо Лю Яоцина стало мрачным.

Войдя в дом, они увидели, что Чжэцзы уже ждал с врачом. Горячая вода была готова.

Врач попросил всех выйти, вытащил ветку из ноги Лю Цюаньцзиня, наложил лекарство и перевязал рану. На это ушло около получаса.

Когда врач вышел, Лю Яоцин сразу спросил:

— Как отец? Не повредил ли он кости?

— Сложно сказать. Узнаем через несколько дней, — честно ответил врач. Кости и сухожилия в ноге слишком сложны, и Лю Цюаньцзинь сейчас не мог двигаться, чтобы почувствовать.

Оплатив врача, Лю Яоцин пошел в главную комнату.

— Дедушка, что случилось с отцом? — спросил он.

Старик Лю сидел на табурете, сгорбившись, курил трубку и молчал, ничего не отвечая на резкий вопрос Лю Яоцина.

В конце концов, Саньтяо все рассказал.

Обувь Лю Цюаньцзиня была сшита давно Ли-ши, еще до того, как Ли-ши (мать) вышла замуж. Она уже давно изнасилась, и Лю Цюаньцзинь носил ее только в поле, собираясь выбросить после нескольких раз.

Ли-ши (бабушка) увидела это и велела ему надеть обувь, которую сшила Ли-ши (мать), а не ту, что она сделала.

В последнее время Ли-ши (бабушка) злилась, зная, что Лю Яоцин каждый день продает лепешки и зарабатывает деньги, которые не попадают к ней. Старик Лю вздыхал, и в ее сердце накопилась обида, которую она выместила на Лю Цюаньцзине.

Лю Цюаньцзинь был очень почтительным и пошел в поле босиком.

В деревне были и другие экономные люди, которые работали в поле без обуви, но Лю Цюаньцзиню не повезло — он наступил на ветку, которая пронзила его ногу. От боли он чуть не потерял сознание.

Старик Лю поспешил домой за деньгами на врача, но Ли-ши (бабушка) не хотела их давать. Старики спорили почти час, пока Лю Яоцин не узнал об этом.

Лю Цюаньцзинь, терпя боль, сказал старику Лю, что не нужно беспокоиться, он сам вытащит ветку, но окружающие остановили его.

Обычно третий сын никогда не доставлял хлопот старикам, и теперь, когда его нога была пронзена, они не особо переживали. Старик Лю и Ли-ши спорили целый час, не считая это важным.

Для стариков Лю Цюаньцзинь был как камень в поле — сколько ни бей, он не изменится. Лю Яоцин же вызвал врача и привел его в дом, что задело самолюбие старика Лю.

Выслушав Саньтяо, Лю Яоцин вернулся в главную комнату и сказал старику Лю:

— Дедушка, отец, вероятно, не сможет перепахивать землю. Давайте каждый будет работать на своем участке.

— Договорились работать вместе, это быстрее. У тебя сейчас нет сильных рабочих рук, когда...
— старик Лю не закончил, Лю Яоцин уже вышел, не желая слушать.

Чжэцзы и Саньтяо ждали во дворе, не обращая внимания на Ли-ши.

— Чжэцзы-гэ, на этот раз тебе придется помочь, — Лю Яоцин подсчитал. — Участок, который дедушка выделил нам, не самый лучший, но с быком его можно быстро вспахать.

— А как насчет дедушки? — Саньтяо, стоя рядом, выразил беспокойство.

Хотя семьи уже разделились, кровные узы остались. Если Чжэцзы поможет Лю Яоцину вспахать землю, но не поможет старику Лю, в деревне начнутся пересуды. Для тех, кто не знает всей правды, это будет выглядеть так, будто Лю Яоцин не уважает старших.

— Пойдем к пятому дяде, объясним ситуацию, — Лю Яоцин не был из тех, кто молча терпит. Старик Лю боялся потерять лицо, но Лю Яоцин не собирался молчать.

Если правда на их стороне, не стоит позволять другим распространять слухи.

Теперь, когда Лю Цюаньцзинь не мог встать с кровати, Лю Яоцин решил, что тот не будет участвовать в делах.

<http://bllate.org/book/16688/1531921>